

Набор рекрутов, который часто бывает нужен из-за непрекращающихся пограничных боев, происходит следующим образом:

Издается приказ, чтобы в определенный день в определенном квартале города все жители без разбора, мужчины, женщины, дети, оставались дома. Обычно лишь к полудню у входа в этот квартал, где уже с рассвета ждет отряд солдат, пехотинцы и конники, появляется молодой дворянин, который должен провести набор. Это молодой человек, тонкий, невысокого роста, слабый, небрежно одетый, с усталыми глазами, на него то и дело нападает беспокойство, как на больного озноб. Ни на кого не глядя, он делает знак плеткой, которая составляет все его снаряжение, к нему присоединяются несколько солдат, и он входит в первый дом. Солдат, знающий в лицо всех жителей этого квартала, зачитывает список живущих в доме. Обычно все на месте, они стоят, выстроившись в ряд в комнате, не сводя глаз с дворянина, словно они уже солдаты. Случается, однако, что кто-то – всегда это только мужчины – отсутствует. Тогда никто не отваживается найти отговорку или как-то солгать, все молчат, опускают глаза, они едва выносят тяжесть приказа, который нарушили в этом доме, но немое присутствие дворянина держит всех на местах. Дворянин делает знак, это даже не кивок, это можно прочесть только по глазам, и два солдата начинают искать отсутствующего. Это не требует никаких усилий. Никогда он не бывает вне дома, никогда у него нет намерения действительно уклониться от военной службы, не явился он только от страха, но это вовсе не страх перед службой, это вообще робость перед выходом на люди, приказ для него поистине слишком велик, устрашающе велик, ему не по силам явиться самому. Но из-за этого он не убегает, он только прячется, а услышав, что дворянин в доме, сам выбирается из укрытия, пробирается к двери комнаты, и его тут же хватают выходящие оттуда солдаты. Его подводят к дворянину, который берет плетку обеими руками – он очень слаб, одной рукой ему не справиться – и сечет провинившегося. Сильной боли это не причиняет, затем он – наполовину из-за усталости, наполовину из отвращения – бросает плетку, тот, кого секут, должен поднять ее и подать ему. Лишь теперь он может стать в ряд с остальными; впрочем, почти наверняка его не признают годным. Бывает, и это случается чаще, что является больше людей, чем значится в списке. Приходит, например, посторонняя девица и разглядывает дворянина, она нездешняя, может быть, из провинции, ее приманил сюда набор рекрутов, многие женщины не могут устоять перед соблазном такого чужого набора – домашний имеет совсем другое значение. И любопытно, в этом не видят ничего позорного, если женщина поддается такому соблазну, напротив, по мнению некоторых, это нечто такое, через что женщинам надо пройти, это дань, которую они платят своему полу. И протекает все всегда по одному образцу. Девушка или женщина узнает, что где-то, может быть, очень далеко, проходит набор, она просит у своих родных разрешения поехать туда, ей разрешают, в этом нельзя отказывать, она надевает на себя самое лучшее из своей одежды, она веселее, чем обычно, притом спокойна и приветлива, независимо оттого, какого она вообще нрава, и при всем спокойствии, при всей приветливости неприступна, словно какая-то чужеземка, которая едет на родину и больше ни о чем думать не хочет. В семье, где ждут набора, ее принимают совершенно иначе, чем обыкновенную гостью, все ублажают ее, она должна обойти все комнаты дома, высунуться из всех окон, а если она положит руку кому-нибудь на голову, то это больше, чем благословение отца. Когда семья готовится к набору, приезжая получает лучшее место, место у двери, где ее лучше всего увидит дворянин и она лучше всего увидит его. Но в такой чести она только до появления дворянина, с этой минуты она прямо-таки увядает. Он так же не смотрит на нее, как на других, а если он и направит взгляд на кого-нибудь, тот чувствует, что на него не смотрят. Этого она не ожидала, вернее, она, конечно, ожидала это, ведь иначе не может быть, но и не ожидание противоположного пригнало ее сюда, а просто что-то такое, что сейчас-то уж кончилось. Стыд она испытывает в такой мере, в какой его наши женщины вообще-то, может быть, никогда не испытывают, только теперь, собственно, она замечает, что вошла в чужой набор, и когда солдат прочитывает список, где ее фамилии нет, и на миг наступает тишина, она, дрожа и ежась, выбегает за дверь и получает еще от солдата тумак вдогонку.

Если сверх комплекта оказывается мужчина, он ничего другого не желает, как тоже быть забранным в рекруты, хотя он и не из этого дома. И это тоже дело безнадежное, никогда таких сверхкомплектных не брали, и никогда ничего подобного не будет.